



Алтайский край
экспертный опрос

#ЧТОНЕТАК

Аналитический отчёт по исследованию,
реализованному в **феврале-марте 2018 года**



Общественная палата
Российской Федерации



РУССКИЙ РЕПОРТЕР



ВВЕДЕНИЕ

В данном отчёте подводятся итоги исследования на тему «Выявление приоритетных практик взаимодействия НКО и гражданских активистов с органами власти в Алтайском крае». Исследование инициировано Общественной палатой России при поддержке Института общественного проектирования, реализовано Центром прикладных исследований и программ (ПРИСП) совместно с журналом «Русский репортёр» в феврале–марте 2018 года.

Основным элементом исследования был экспертный опрос, который проходил в Барнауле с 11 февраля по 1 марта. В рамках опроса было собрано более 40 глубинных интервью с представителями некоммерческих организаций, средств массовой информации, бизнеса, неформальных гражданских движений, членами региональной общественной палаты. Опрос проводился для выявления механизмов и проблемных точек взаимодействия органов власти с общественниками; актуальных и востребованных в регионе общественных и гражданских практик, эффективных форм государственной поддержки «третьего сектора».

Стоит сразу же оговорить, что авторы отчёта не задавались целью описать все имеющиеся в Алтайском крае общественные практики и все особенности жизни регионального гражданского общества. Мы концентрировались на тех из них, которые представлялись нам самыми яркими или же, наоборот, наиболее типичными и характерными.

Экспертный опрос проводился в период подготовки «круглого стола», организованного в рамках проекта всероссийской Общественной палаты «#ЧТОНУЖНО», (в других регионах проходившего под лейблом «#ЧТОНЕТАК»), который прошёл в Барнауле 2 марта. Ведущим и модератором «круглого стола» стал Валерий Фадеев – секретарь Общественной палаты Российской Федерации. В работе форума приняли участие члены ОПРФ Андрей Максимов, Вадим Жарко, Денис Кирис и Павел Пригородов, члены правительства и общественной палаты Алтайского края, лидеры НКО и инициативных групп, гражданские активисты и журналисты. Главными темами обсуждения стали общественные практики в области развития городской среды и создания общественных пространств, проблемы функционирования некоммерческих организаций, вопросы социальной защиты, развития волонтерского движения, и другие. Также на «круглом столе» были оглашены результаты уличного экспресс-опроса, в ходе которого проходим в центре города предлагалось сформулировать и записать волнующие их проблемы барнаульской жизни.

Материалы состоявшегося «круглого стола» также послужили источником информации при подготовке настоящего отчёта.

1. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Представление о характере взаимодействия власти и общества в Алтайском крае по результатам опроса складывается весьма противоречивое. С одной стороны, есть высокие оценки – особенно часто в тех случаях, когда их дают члены региональной общественной палаты или Общероссийского народного фронта. С другой

стороны, особенно в случаях с НКО, работающими с незащищенными слоями населения, слышались «сложные» оценки – с попыткой объяснить, почему те или иные их проблемы не становятся побудительным сигналом к действию для чиновников, и с желанием «оправдать» последних (в силу их бюрократической и организационной загруженности, например, или неконструктивного настроения общественников), или даже хоть и единичные, но весьма негативные отклики (с жалобами на отсутствие реальной помощи, усталость от необходимости преодолевать бюрократические барьеры и т.д.).

Если же говорить не об общих оценках, а о конкретных характеристиках сложившихся форм взаимодействия между властью и гражданским обществом, то к факторам общего характера, тормозящим такое взаимодействие, опрошенные относили медленную реализацию аппаратом власти решений по актуальным вопросам при заметной скорости принятия самих этих решений (главой региона или его заместителями). Местами в интервью отмечалась формальность подхода к необходимости взаимодействовать с общественниками, то есть подчеркивалось отсутствие осознанного понимания у представителей власти, зачем оно (это взаимодействие) нужно в принципе: «то есть по закону о поддержке общественных организаций власти к нам обращаются, но отношение к нам “старое” – нет партнерских отношений». Или «общественность существует для галочки, серьезных тем не решает» – о степени продуктивности такого взаимодействия. Говорили также о возможности влиять на лояльность НКО со стороны властей с помощью распределения грантов.

Можно говорить об отсутствии наработанных механизмов взаимодействия власти и общественности, которыми бы могли воспользоваться «молодые» НКО при вхождении в пул полноправных участников «третьего сектора». Об этом же отсутствии системных механизмов может говорить и тот факт, что большинство опрошенных сетует на то, что губернатор редко устраивает очные встречи с общественниками – то есть личное и публичное обращение к главе Алтайского края или его заместителям рассматривается как действенный и проверенный метод решения «общественных» вопросов вместо институциональных процедур.

Интересным кажется то, что уровень конфликтности во взаимодействии общества и власти в Алтайском крае на текущий момент по итогам опроса, а также «круглого стола» можно оценить как достаточно низкий. Возможно, это связано с давним пребыванием у власти одного губернатора (с 2005 года). В целом складывается впечатление, что за эти годы власть мониторит (и продолжает) «третий сектор» на предмет выявления как общественных проблем для решения их с опережением, дабы избежать обострений, так и отдельных активистов и НКО для изучения актуальности сферы их интересов, их общей лояльности и способов ее приобретения, а также с целью встроить их в контролируемую часть общественной деятельности. На этом фоне, при отсутствии выраженных в интервью прямым текстом жалоб на прессинг со стороны власти, тот факт, что некоторые эксперты по потенциально проблемным для региона вопросам отнесли к «круглому столу» настороженно и предпочли не выступать «на всякий случай», выглядит довольно симптоматично.

Относительно работы общественных советов, а также публичных слушаний складывается впечатление, что в Алтайском крае с ними дела обстоят на порядок лучше,

чем во многих других регионах страны, по крайней мере ответы «работают» или «работают частично» применительно к этим совещательным институтам можно встретить больше, чем в половине ответов, против традиционных «нет» и «не работают» в аналогичных опросах в других регионах. Оценка процента успешно работающих советов в ответах респондентов разнится от 50 до 70%. Причем в ряде случаев эксперты объясняют их эффективность тем, что власть пытается регулировать их деятельность через региональную общественную палату, в частности, включением в работу советов «неудобных» людей: «эффективность (советов) начала возрастать, 4 года назад было принято решение, что общественная палата вмешивается в формирование общественных советов, туда стали заходить не очень удобные люди. Общественная палата с этими органами в конце года подводит итоги».

Отдельно отмечается, что советы поставлены в условия, когда они вынуждены работать с учетом того, что «есть заинтересованная часть общественности, которая имеет свою точку зрения, какая-то часть общественности пытается влиять на работу этих советов. То есть внутри общественных советов есть некоторые инициативные блогеры, которые влияют на ситуацию». В ответах респондентов отмечается, что в таком формате работы общественные советы претерпевают все прелести «ключести принятия решений», и этот формат поддержан губернатором.

При этом индивидуальная эффективность каждого совета, по мнению некоторых даже остро критично настроенных экспертов, складывается из большого количества факторов, и успешность их работы определяется тем, «насколько свободно формируется совет, насколько представлены группы (общественные и тематически включенные) в советах, каково влияние управленческой структуры на совет, насколько авторитетен человек, который стоит во главе совета». Есть примеры полноценно работающих общественных советов, а есть такие, «о которых не слышно».

Причем, по всей вероятности, с общественными советами в Алтайском крае дела обстоят лучше, чем с публичными слушаниями. Эксперты подтверждают, что властные структуры не понимают ценности этого инструмента, не готовы к гласному обсуждению, а общественность не готова к полноценной работе в таком формате: «даже слушания по бюджету не вызывают интереса у общественности, поскольку они формальны». Однако часть экспертов приводит недавний и, кажется, один из немногих однозначно ярких примеров результативных публичных слушаний, который касался организации и переноса свалки ТБО и всколыхнул и население, и общественников. Последние обратились в региональную общественную палату – «в итоге люди не пошли бастовать», к обсуждению были приглашены эксперты. Создание свалки было остановлено, «и на сегодня уже около года муниципальные власти делают новый проект по новому месту для мусорного полигона». И, как добавляет эксперт, «такими публичные слушания должны быть, а не карманными». Чтобы представить остроту ситуации в полном объеме, достаточно привести пример ответа другого эксперта, который рассказал, что специально приглашенных участников должны были «подвозить автобусами», но на тот момент, когда специально организованная публика была доставлена к месту проведения слушаний, в зале все места были заняты возмущенными гражданами.

Ситуация с работой региональной общественной палаты (ОП) выглядит так, что на

данный момент она аккумулировала, в большинстве своем, лояльных власти представителей общественности. Возглавляет палату Лев Коршунов, в прошлом – мэр Рубцовска, губернатор Алтайского края, депутат Государственной думы России. Деятельность ОП респонденты в большинстве ответов оценивают довольно низко. Как объясняют сами эксперты, такой эффект возник в результате того, что несколько лет назад был пересмотрен порядок формирования общественной палаты, что вызвало бурные прения в информационном пространстве региона. В результате новый порядок был установлен на законодательном уровне и привел к перекосу – «роль исполнительной власти в общественной палате возросла, а роль общественности снизилась». В интервью говорилось, что несколько лет назад этот вопрос был ключевым, а в настоящее время эта проблема не так остра за счет потери интереса к такому формату работы со стороны самих общественников: «часть общественности перестала участвовать в ОП такого состава».

Говоря о текущем составе общественной палаты, часть респондентов отмечает отсутствие у нее инициативности, во всяком случае, заметной в публичном пространстве. На основе ответов экспертов можно сделать вывод, что ее работа практически сводится к освещению возможностей грантовой поддержки для НКО. Однако со стороны власти этот состав ОП и такой характер работы является, по всей вероятности, желаемым результатом – предыдущие составы палаты и их деятельность считались, по мнению некоторых экспертов, «политизированными». Однако, судя по активности, которую власть проявляла до сих пор в определении персонального состава палаты (в частности, во главе предыдущего и нынешнего созывов общественной палаты стоят бывшие губернаторы), можно сказать, что как минимум она осознает значимость этого органа, именно потому изобретает разные способы влияния на формирование состава общественной палаты и регулирования ее деятельности. У экспертов эффективность палаты вызывает, мягко говоря, сомнения: «Эффекта нет. Если все общественники возмущаются чем-то, ОП доносит проблему до губернатора, но вопрос не решается».

В данном контексте из реализуемых и не идущих при этом в разрез с действующей политикой региональной власти в отношении общественной палаты, осуществимым кажется пожелание представителей НКО быть хотя бы в курсе деятельности ОП: «может, какие-то рассылки НКОшникам делать, мало информации об их (ОП) работе», «мы иногда не в курсе, что там происходит».

Работа общественной наблюдательной комиссии в регионе на протяжении многих лет была заметна – так, что, как выразился один из экспертов, «у нас в Алтайском крае колонии настолько вылизали, что они стали показательными». Однако, как следует из ответов некоторых респондентов из числа тех, кто вовлечен в соответствующую проблематику, сейчас эффективность комиссии несколько снижена за счет включения в работу комиссии краевой общественной палаты, которая сочла деятельность правозащитного института во главе с членом партии «Яблоко» «политизированной». В результате в комиссии на текущий момент независимые правозащитники предлагают на пост руководителя комиссии одну кандидатуру, а одновременно общественная палата выдвинула свою. Со слов одного из респондентов, продуктивного диалога у них не получается, что, конечно, сказывается и на эффек-

тивности текущей работы комиссии.

Отзывы респондентов о работе уполномоченных по правам человека, по защите прав ребенка и по правам предпринимателей варьируются от негативных («формальный подход», «работа не заметна»), до сдержанных («делает, что может») со следующим объяснением текущего положения вещей: «были попытки назначать уполномоченных на конкурентной основе, что было бы положительно, но исполнительная власть свои кандидатуры утвердила, и интерес со стороны общественности к деятельности этих уполномоченных снижается, хотя люди они опытные».

Собственно, по всей вероятности, последнее обстоятельство и объясняет скептицизм оценок, даваемых общественниками этому институту: на место уполномоченного «по правам человека назначили отставного вице-губернатора – политического, которому лишь бы поменьше жалоб», «сейчас нет уполномоченного (по правам ребенка), есть чиновник, подчиняющийся секретарю губернатора», «по правам предпринимателей – сам по себе человек хороший». Или «по работе уполномоченных по правам человека и по правам ребенка – эффективности не увидела. Приходилось к ним обращаться, однако по существу вопросы не решались. Ответы носили рекомендательный характер. Не увидела эффективности в разрешении вопросов по защите прав детей-сирот. Формальный у них вид деятельности». В ходе опроса на предложение оценить работу действующих омбудсменов в ряде случаев эксперты начинали называть НКО, к которым можно обратиться за помощью по вопросам защиты прав человека, детей или предпринимателей и действительно получить ее, что также заставляет задуматься об эффективности действующих омбудсменов.

Среди других общественных совещательных органов эксперты в первую очередь называли Общественную палату г. Барнаула (ее руководитель входит в краевую ОП), а также комитеты при администрации города по взаимодействию с общественными организациями и гражданами, работу которых оценивают в основном положительно – «город способствует выделению помещений и всесторонне поддерживает» или «с городской палатой реализуем совместные проекты, организуем круглые столы, обсуждения; в последние несколько лет мы идем одним курсом». Также общественные палаты есть в крупных городах, таких как Бийск и Рубцовск, в менее крупных городских образованиях и в районах «палаты уже не представлены», но, как выразился один из экспертов, «работа ведется». Однако, как следует из ответов тех экспертов, кто имеет возможность наблюдать за работой этих городских (не барнаульских) ОП, невысокая эффективность последних (эту проблему озвучили некоторые эксперты) компенсируется активностью местных общественных советов.

Кроме того, в регионе заметна деятельность территориального общественного самоуправления (ТОС). Из того, что говорят эксперты, возникает ощущение, что деятельность эта вполне «живая» – «ежегодно проходит конференция ТОСов, идет обмен мнениями, есть борьба внутри ТОСов за лидерство, они используются в выборном процессе». В Барнауле работает координационный совет территориальных общественных структур самоуправления, в заседаниях которого участвуют председатели ТОСов. Со слов экспертов, они оценивают координационную роль совета как нужную – «это нормальный институт», говорит один из экспертов. Палитра деятельности ТОСов в городе весьма разнообразна. По оценкам экспертов, здесь они

не ограничиваются благоустройством, ликвидацией свалок и уборкой территорий, хотя эта их деятельность весьма заметна, но и организуют досуг для населения и досуг с детьми (в одном из районов инициативно организована «продленка» на базе ТОС), курсы компьютерной грамотности для пенсионеров, предоставляют возможности для занятий спортом, игры в шахматы, занятий творчеством и т.д. Исходя из ответов экспертов, можно сделать вывод, что эта сфера общественной активности обладает определенным потенциалом развития – помимо грантовой поддержки, которую ТОСы могут получить, они также могут быть бенефициарами инициативного бюджетирования – формата господдержки развития городской среды силами самих жителей. Также город помогает ТОСам решать вопросы с помещением, СМИ освещает их деятельность. Как говорил в интервью представитель ТОС, «они всегда отзываются, печатают о нас материалы. Многие НКОшники жалуются, что их не печатают, но они не взаимодействуют грамотно с прессой, не приглашают прессу. Никаких денег – мы приглашаем прессу, и они о нас пишут».

При этом такая оценка деятельности ТОСов касается конкретно Барнаула, где их, по словам одного из экспертов, «100 и они активно работают», но далеко не везде в крае ситуация обстоит так же. Так, говоря об одном из крупных городов региона, этот же эксперт поясняет, что «здесь их 4, и они не работают».

В качестве ближайших целей для деятельности ТОСов эксперты видят необходимость работать над повышением прозрачности их деятельности и привлечением к ней большего количества жителей.

Что касается информационной открытости в Алтайском крае, то ситуация здесь та же, что и в других регионах – найти нужный материал или документ возможно, если знать, где искать (для опытных общественников, как правило, не составляет труда), или необходимо проявить известную долю упорства в поиске (для неискушенных граждан). При этом именно в вопросе информационной открытости есть пример того, как быть максимально «ближе к народу»: «власть пошла на то, что газета «Вечерний Барнаул» доставляется бесплатно жителям города, людям доступна информация». Это тем более актуально, что многим пенсионерам интернет- и

По оценкам ситуации со СМИ в Алтайском крае в целом, можно сделать вывод, что они ориентированы на действующую власть – «все подконтрольные, все зависимы», но при этом тот же эксперт может сказать, что они «работают хорошо», видимо, имея в виду – в рамках существующих условий. По свидетельствам экспертов, СМИ не обо всем информируют население – например, эксперты говорили, что сейчас возникли некие новые проблемы у перевозчиков, «но эту тему не освещают» (в прессе). Суммировав услышанное, можно с уверенностью сказать, что за исключением считанных средств массовой информации в крае (речь про интернет-площадки), все они в основном дают относительно полную, за некоторыми исключениями, фактологическую картину происходящего, но в совершенно определенном, преимущественно ангажированном ракурсе.

При этом кое-кто из экспертов замечает, что после кризиса 2013–2014 годов информационное поле хоть и сузилось (из-за «сокращения количества информационных холдингов»), но все же стало более разнородным – уменьшилась доля федераль-

ного вещания на местных каналах, возрос объем радиовещания. Только в одном случае эксперт говорит о том, что за последний год или два выжившие после 2014 года СМИ стали чуть более независимы («появилось больше независимых оценок, ослаб редакционный пресс»), и это, с его точки зрения, связано с изменениями внутри правящих элит, обусловлено их внутренними «политическими и экономическими процессами». Как и другие эксперты, он выделяет Сибирскую медиагруппу как более независимую в плане подачи информации. Другие эксперты называли также такие ресурсы, как «Амител», он же «Амик.ру», и информационное агентство «Банк-факс» (из той самой Сибирской медиагруппы), где «можно выразить свое мнение».

Руководство края и его центра представлены в социальных сетях – у губернатора есть свой аккаунт, кроме того он проводит пресс-конференции, встречается с журналистами, кроме сайтов с обратной связью, для населения есть также прямые линии. Но опять же, по некоторым оценкам экспертов, складывается впечатление, что что-то в последнее время «идет не так» – «можно в прессе и соцсетях увидеть жалобы журналистов на то, что испортились отношения с властью, сложно получить информацию, чиновники могут “заволокитить” (решение вопроса)».

Ответы на вопрос относительно интерактивных платформ показали, что эксперты понимают слово «интерактивность» достаточно узко – не все из них в принципе понимали, о каких платформах идет речь, или наоборот, в качестве примеров приводили отдельные элементы сервисов обратной связи на сайтах администрации и т.д., например: «Интернет-площадки есть везде – у краевой прокуратуры и других. Я выхожу на сайт, пишу и отправляю. На все реагируют, отвечают, фиксируют и т.д. Все действенны».

Также отдельно несколько раз называлась площадка в Интернете для «третьего сектора» под названием «НКО 22», где соответствующие организации могут «все свое», как выразился один из экспертов, размещать. И, к слову, тема, что хорошо бы, чтобы был ресурс для конечного пользователя, тех, для кого эта деятельность предназначена, то есть населения – площадка, на которую житель Алтайского края мог бы зайти и посмотреть, что есть полезного для решения его вопроса, – так и не возникла. И только в одном или двух случаях респонденты назвали платформу «Я гражданин», и то с поправкой на то, что у населения, скорее всего, не будет на это отклика – один из респондентов «поддерживал мобильное приложение (например, видите жесткое нарушение ПДД, фотографируете и отправляете в ГИБДД). Здесь один парень запустил эту тему, но думаю, что эта инициатива загнулась. Уровень доверия у населения низкий».

В ответе на вопрос об отношении общественников к руководству региона и краевого центра опрашиваемые были единодушны. Все отмечали заслуги губернатора Александра Карлина, хотя некоторые и допускали некую критику в его адрес. Как отмечалось выше, чаще всего звучали сожаления, что нет регулярных встреч с общественниками, которые считают это необходимым, чтобы исключить впечатления «точечной», как выразился один из экспертов, работы с «третьим сектором».

На фоне многолетней работы губернатора сравнительно новый сити-менеджер Барнаула Сергей Дугин выглядит как подающий большие надежды в глазах активистов, по крайней мере на данный момент. После вхождения в должность, со слов респон-

дентов, в его адрес было много критики и замечаний со стороны общественности, но сейчас ситуация изменилась в лучшую сторону – как только стали заметны результаты его деятельности в общественном поле. Особо ценным опрошенные считают, что прежде он возглавлял Минсоцзащиты, то есть знаком с местной социальной проблематикой не понаслышке, выезжает на территории, встречается с активистами.

2. НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ И ВОСТРЕБОВАННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ И ИНИЦИАТИВЫ

Основные проблемы региона, наиболее часто называемые экспертами, – низкий уровень заработной платы, проблемы сельских территорий, отсутствие промышленных предприятий (закрытых в 90-е годы), связанный с этим отток квалифицированных кадров и молодежи за пределы края на ПМЖ либо на работу вахтовым методом. К ним добавляются текущие, фоновые проблемы, в решении которых общественность если не участвует, то пристально следит за ходом их решения. Из материалов экспертного опроса следует, что формы общественного включения в решение проблем в регионе практикуются самые разные, подходят к нему как жители, так и НКО творчески – от выкладывания в соцсетях фотографий с «проблемных мест» с целью вынесения проблем в публичное пространство до организации публичных акций и участия в них, участия в работе общественных движений (причем одновременно в нескольких – это почти стандарт для Алтайского края) и общественном контроле, взаимной поддержки и партнерства между НКО. В целом при самой разновекторной и всевозможной активности общественные силы региона демонстрируют умение самоорганизовываться и деятельно реагировать на проблему.

Так, можно более подробно вернуться к уже упоминавшемуся ранее конфликту вокруг организации полигона твёрдых бытовых отходов в Барнауле и связанного с ним вопроса о принятии нового генерального плана города. Проблема назрела в январе 2017 года – попытка городских властей провести слушания на эту тему под своим контролем вызвала настолько бурный протест местного населения (люди писали жалобы и письма во все инстанции, включая публичные площадки в Интернете, следили за информацией о слушаниях, наконец, пришли на них, сорвав тем самым сценарий устроителей), что в итоге власть была вынуждена признать свои недоработки. Итог этой активности на данный момент не выглядит однозначно положительным – с одной стороны, отложено утверждение генплана развития Барнаула (то есть созданы условия для нежелательной «точечной» застройки). С другой – одного из заметных и критически настроенных экспертов по этой теме пригласили на должность главного архитектора Алтайского края, что, с точки зрения экспертов, стало хорошим решением, способным удовлетворить наиболее негативно настроенную часть общественности и «сыграть положительную роль в будущем».

В регионе заметна деятельность экологических организаций, и направлена она, по словам экспертов, как минимум, на три проблемы. Кроме уровня загрязнения Оби, Барнаулки и Пивоварки, экологи и примкнувшие к ним общественники следят за вопросами сохранения и очистки городских лесов, а единственная зоозащитная организация пытается повернуть в цивилизованное русло подход к проблеме большо-

го количества бездомных животных, предлагая как разные формы общественного контроля в этом вопросе, так и формы воспитания культуры в отношении домашних животных в крае – вплоть до предложения ввести в регионе должность уполномоченного по правам животных, хоть, со слов самих же зоозащитников, «эта проблема относится к федеральному уровню».

Вопросами очистки и сохранения ленточных боров в Алтайском крае активно занимается сообщество «Барнаул 22», которое каждый год проводит экологические (но и не только) акции. По оценкам представителей сообщества, замусоренность местных лесов можно оценить как чрезвычайную, причём иногда устроители незаконных свалок отличаются особым цинизмом, пряча в бору не просто бытовой мусор, а следы своих преступлений. В частности, один из респондентов приводил пример, когда энтузиасты, вышедшие на уборку природных территорий, обнаружили в ленточном бору несанкционированное кладбище домашних животных. Распространение информации в сообществе привело к тому, что люди начали узнавать на фотографиях с «кладбища» своих питомцев, отданных в ветеринарные клиники на кремацию. Со слов респондента, «каждая уборка ленточного бора заканчивается какими-то административными делами». В принципе, по оценке эксперта, активность населения в этом вопросе чрезвычайно высока и если реакцию власти общественность не считает достаточной, «люди отправляют фотографии и информацию напрямую президенту».

Эту же проблему методами обращения к властям решает ОНФ в рамках проекта «Генеральная уборка»: «человек снял свалку – она попадает на карту в Интернете как красная точка». Однако местная активность в этом вопросе направлена на выход за пределы Интернета – силами неравнодушного населения удалось организовать «уборки в 4 регионах Сибири и превратить сибирскую акцию в международную».

Эксперты отмечают, что, благодаря усилиям местной общественности, также снижается объем порубок в ленточных борах Алтайского края.

Сложно идёт взаимодействие общественников с властями по вопросам зоозащиты (третьей проблемной точки региона, которая не оставляет равнодушной в том числе и экологов, если верить экспертам) – на федеральном уровне так и не приняты тематические законы, а краевой закон эксперты оценивают как декларативный; в регионе нет профильных государственных или муниципальных структур, при обращении к властям разные инстанции переадресовывают зоозащитников друг к другу, например, отправляя в управление ветеринарии, которое занимается сельскохозяйственными животными, а не домашними питомцами. Тем не менее, зоозащитники пытаются вести работу с населением, получая грантовую поддержку. Хотя только информирование населения респонденты не считают достаточным и пытаются выдвигать более конструктивные предложения – например, по созданию волонтерской дружины, которая бы контролировала отлов и содержание животных, а с целью внедрения культуры ответственного отношения к животным – по введению в регионе должности уполномоченного по правам животных. На «круглом столе» руководительница единственной в Барнауле зоозащитной общественной организации – приюта «Ласка» – сказала: «Мы провели опрос, согласно которому 90% жителей не знают, что существуют какие-то правила в нашей сфере. В рамках гран-

та губернатора «Человек собаке друг» мы раздаем листовки, но этого мало. Нам нужно, чтобы к этой кампании присоединились СМИ и власти».

Эти темы, а также темы дорог и комфортной городской среды власть старается не оставлять без внимания, поскольку регион держит курс на развитие туристического кластера. По словам одного из экспертов, «это парадоксально, но у нас хорошая ситуация с дорогами» – в эту проблему общественность вместе с ОНФ и администрацией края была активно включена год назад, потому алтайские дороги сейчас, по оценкам респондентов, качественные и безопасны, а налаженные общественные практики работают и по сей день. В регионе есть сообщества по темам дорог и ЖКХ. Тот же «Барнаул 22» публикует полученные видео, на них тут же реагируют местные СМИ, следом идет немедленная реакция ответственных за состояние дорог – «проблемы устраняют». Сообщество сотрудничает с местным телевидением: «есть целая передача «Коммунальный патруль», мы с ними сотрудничаем. Они делают репортажи, власти реагируют».

В градозащитном движении довольно много разрозненных активистов, чьи усилия направлены на сохранение сложившегося облика Барнаула (в частности, эксперты называли архитекторов, чьими усилиями фасады исторических зданий были очищены от рекламы, ведется деятельность по сохранению того, что можно сохранить), исторических памятников – население волнует (как говорят эксперты, «многие обеспокоены»), что хотя сноса старинной застройки в городе особенно не практикуется, в последние годы стали подозрительно часто «гореть» деревянные здания, на месте которых затем появляются многоэтажные новостройки. Вообще же эксперты в интервью отмечали, что точечная застройка является для Барнаула более актуальной и чувствительной проблемой, чем уничтожение исторических памятников. Очень обострена тема реконструкции сереброплавильного завода – «изюминки нашего города» (с заводом напрямую связано появление и развитие города в XVIII–XIX веках, в конце этого периода завод вырабатывал до 90% серебра в России). По словам опрошенных, завод находился в плачевном состоянии на момент, когда его выкупил частный бизнес и начал предпринимать усилия по его восстановлению. И если идея восстановления завода как исторического памятника многим была близка и понятна, и горожане ее поддерживали, то перспектива возникновения на территории завода нового торгово-развлекательного центра настолько обеспокоила жителей, что они обратились за поддержкой к местным властям, а те включились в процесс урегулирования: собственники завода приглашаются в общественную палату и градостроительный комитет, чтобы в результате диалога интересы города и собственников совпали. Другой пример взаимодействия властей и общественности в Барнауле – работы в Нагорном парке. Часть этого проекта была раскритикована общественностью, которая выступала за сохранение исторической лестницы. Но администрация сделала добротный проект, и общественность согласилась с властью.

Градозащитная деятельность, в основном, остается в Барнауле делом отдельных активистов и ситуативно формирующихся групп (поддержку которым иногда оказывают политические партии). В качестве заметного исключения можно назвать неформальное сообщество «самодеятельных урбанистов» под названием «Шпиль», на счету которого уже несколько достижений – от успешной защиты сквера, которо-

му грозила вырубка, до срыва заведомо нечестных публичных слушаний.

Если говорить про регион в целом, в ключе развития туристического кластера, открыт природный парк в районе Белокурихи, респонденты отмечают работу Алтай-турцентра, признанного лучшим среди туристских информационных центров России на конкурсе «Russian Event Awards» и вошедшего в состав некоммерческого партнерства «Национальная ассоциация информационно-туристских организаций», став в один ряд со старейшими информационными центрами России – в Казани, Санкт-Петербурге, Калуге и других крупных туристических городах, работают общественные организации в этом направлении. Очень развиты инициативы в событийном туризме – фестиваль «Сибирская масленица» собирает до 30 тысяч человек, проводится много других фестивалей и ярмарок. Кроме того, в регионе при поддержке губернаторских грантов в сфере развития въездного туризма разрабатываются проекты, ориентированные на молодежь с инвалидностью.

Эксперты также говорили, что как минимум в краевом центре стали обращать внимание на обустройство общественных пространств. Одним из самых перспективных и громких проектов, выросших из общественных инициатив, респонденты называли развитие парка спорта Фонда Алексея Смертина, над которым 2 года работала большая команда на собственные средства и при поддержке администрации города. Сейчас это уникальный инфраструктурный проект, возникший на месте заброшенной земли, – центр притяжения молодежи, где проводятся воркауты, есть место как экстремальным видам спорта, так и подготовке к сдаче норм ГТО, работают фестивальная, концертная площадки, пляж и открытый бассейн. На территории парка был проведен рекордный по количеству участников субботник – порядка 1700 молодых людей, если верить респондентам, без всякого давления приходят на праздник труда. Здесь работает программа здорового образа жизни для населения, а кроме того проходит более 100 мероприятий в год, в том числе общероссийских. Среди ярких местных мероприятий называли первый барнаульский рок-фестиваль, ярмарку спорта совместно с комитетом по спорту, первый в Алтайском крае фестиваль барбекю, а также этнокультурный фестиваль. По словам инициаторов проекта, «парк спорта – объединяющий проект», который может использоваться как площадка для любых общественных инициатив.

Также в городе уже несколько месяцев работает арт-кафе «За рамки», в команде которого 10 человек, каждый из которых развивает свое направление – «от токарной мастерской до ассоциации молодежных театров Алтая». За менее чем полгода работы организаторам кафе стало очевидно, что оно превращается в молодежный центр. На круглом столе руководительница арт-кафе озвучила необходимость создания площадки молодежного коворкинга и получения информационной поддержки со стороны города.

Важно понимать, что две последние инициативы реализуются силами молодежных активистов, которых в регионе заметное количество. В Алтайском крае представлен самый широкий спектр молодежных общественных структур и объединений – от Российского движения школьников до Молодежного парламента Алтайского края. Среди ярких инициатив называли «молодежную деревню» (организация летнего интеллектуального и образовательного досуга для детей и молодежи «Международная летняя детская деревня «Алтай»»), а также молодежное движение «Школа

жизни» (развивает формат наставничества, в рамках которого студенты выступают наставниками для городских и сельских школьников). Работой с молодежью и молодежными инициативами в регионе активно занимается общественная организация «Алтайский краевой союз детских и подростковых организаций».

Из местных, но широко распространившихся за пределы края инициатив респонденты отмечали проект «Студенческий дозор», возникший как региональный на территории Алтайского края в 2012 году. В настоящее время он существует как всероссийский правозащитный проект, его главная задача – защита прав студентов и решение их проблем. Он является одним из проектов, реализуемых Всероссийским студенческим союзом на федеральном уровне, поддерживается президентскими грантами. В студенческих организациях края есть ответственные за мониторинг – в каждом ВУЗе проводятся опросы среди студентов. Со слов респондентов, «3 года назад в рамках данного проекта «раскрыли» одного коррупционера». Можно сделать вывод, что несмотря на сравнительно уже долгую историю и ставший более официальным статус, на территории своей исторической родины проект по-прежнему эффективен.

Регион также в свое время стал стартовой площадкой для ныне межрегиональной волонтерской акции «Снежный десант», которая существует порядка 30 лет и недавно также получила статус всероссийской. Она состоит в том, что студенческие отряды отправляются в села и деревни, чтобы помогать там одиноким старикам, а заодно школьникам и прочим сельским жителям. Помощь может быть самой разной – от уборки снега с улиц, дворов и местных памятников, до колки дров и проведения профориентирующих и творческих мастер-классов, а также профильных консультаций. Так, со слов представителя НКО «Юристы населению», «только в рамках «Снежного десанта» мы организовали 18 отрядов – 8–10 населенных пунктов у каждого, более 300 консультаций». На официальном сайте акции сказано, что помимо этой основной гуманитарной миссии в последние годы «бойцы» (так здесь почему-то принято называть волонтеров из студенческих отрядов) «выполняют также специальные поручения губернатора. Например, в 2011 году они собрали 200 предложений и замечаний от жителей в адрес органов исполнительной власти края. В 2012 году собрали истории жителей сел для книги «Живая история. Алтайская деревня в рассказах ее жителей»».

Уже по этому примеру можно сделать вывод, что в крае должна быть заметна деятельность волонтеров. Действительно, здесь широко распространены добровольческие инициативы. Ту же спорную тему реконструкции сереброплавильного завода, по словам респондентов, общественность взяла под контроль по инициативе неформальной группы молодых активистов – «они провели работу и не позволили бизнесу изменить облик этого места». Сейчас на территории завода проходят регулярные субботники с участием небольшого количества добровольцев. Летом волонтеры чистят леса пригорода, до которого у администрации не доходят руки в плане уборки, реку Пивоварку. В регионе есть волонтерские организации – например, «Вместе против рака». В опросе один из участников привел недавний пример того, как в Барнауле опрокинулась фура и «город ничем не мог помочь, а волонтеры подняли ее за два часа работы». Системно волонтерство развито на базе вузов, открыт профильный ресурсный центр. Как говорит его представитель, «мы учим до-

бровольцев, помогаем, в этом плане Алтайскому краю есть чем гордиться, у нас 4 федеральных награды. Именно за системность». В крае проходят тематические волонтерские фестивали и краевые слеты. На данный момент «Алтайскому центру развития добровольчества» уже более 10 лет, «профильных НКО в крае около 500 организаций, порядка 60 000 добровольцев».

Поскольку регион аграрный, о проблемах села здесь говорят много, к ним относят падение цены на сельхозпродукты – зерно, гречку, молоко – ниже себестоимости, как следствие возникают трудности с погашением кредитов. Также жителей сельских территорий волнует низкий уровень зарплат, вопросы сферы ЖКХ, отсутствие во многих районах газификации; как говорит один из экспертов, «идет оптимизация здравоохранения и образования. Вопросы задают во всех районах». Среди профильных НКО, занимающихся интересами алтайских крестьян, был назван «Союз крестьянских (фермерских) формирований Алтайского края» – по словам экспертов, «они активно сейчас борются за права наших крестьян».

У многих этнических диаспор региона есть собственные НКО, представители некоторых из них входят в состав краевой общественной палаты. Респонденты говорят о социальной активности армянской и чеченской диаспор, есть центры татарской культуры, которые систематически проводят фестивали, организуют обучение татарскому языку, центры азербайджанской культуры, есть «Немецкий дом», с которым у власти был конфликт: здание, в которое организация местных немцев вкладывала «немецкие» деньги, хотели отобрать и предоставить другим национальным центрам на том основании, что «регион несколько по-иному видит работу этого центра». По словам опрошенных, все эти НКО работают в основном в рамках собственных диаспор, но есть и совместные проекты. Так, например, центр армянской культуры кроме организации воскресной школы, проведения обучающих семинаров, организации детских групп («был наплыв в этом году, привели малышей от 4 лет – 32 человека, и это нас радует»), наладил работу с Алтайским государственным институтом культуры, делает много совместных мероприятий, «студенты проводят у нас практику». Со слов руководителя, это единственная «национальная» НКО в Алтайском крае, которая подавала заявку на президентский грант, которого, впрочем, не получила (как и понимая причин, почему этот проект не может быть поддержан президентским грантом).

В регионе проявляют социальную активность предпринимательские НКО – например, компания «Эвалар» в Бийском округе занимается социальными проектами. В Петропавловском районе «ОКХ Ануysкое» реализует благотворительные проекты. ОАО «Кучуксульфат» в Благовещенском районе реализует социальные программы. В Барнауле местная сеть продуктовых магазинов «Мария-Ра» занимается поддержкой спорта, на ее обеспечении находится лыжная база «Динамо»: «людям бесплатно дают чай и вафли, печенье для тысяч людей». Основатель торговой сети организовал «Лыжную здоровья» – «десятки тысяч людей приходят кататься на лыжах».

Что касается отзывов о спортивных инициативах и профильных НКО, они хоть и сводятся к тому, что в этой области «есть потенциал», но по сравнению с другими регионами в крае на деле наблюдаются заметные достижения и значимые акции. Например, здесь есть НКО, которая занимается вопросами организации спортивного развития и досуга для детей с ограниченными возможностями. Респонденты в

опросе отмечали, что в прошлом году ей удалось совместно с жителями «выиграть войну» за спортивную площадку – положительного результата удалось достичь благодаря городской программе софинансирования спортивных и детских площадок. В целом же, со слов представителя НКО, краевые гранты, по крайней мере, по его опыту, более доступны, чем городские.

В регионе очень заметно присутствие Общероссийского народного фронта. Часть опрошенных общественников либо сотрудничает с этой организацией, либо совмещает работу и на своем фронте, и на «народном». Как и везде, наивысшую активность ОНФ проявляет в борьбе с незаконными свалками и некачественными дорогами. В интервью приводили примеры того, как ОНФ вмешался в ситуацию, когда обнаружилось, что за 5 дней до открытия школ в регионе рядом с ними нет пешеходных переходов и обозначающих их знаков. Вмешательство вроде бы оказалось успешным, однако в то же время эксперты отмечали, что «ОНФ занимался этим, но не работал по другим крупным темам», значимым для граждан. К президентским выборам ОНФ готовил голосование для жителей по определению перечня городских объектов (парков, скверов и т.д.), на благоустройство которых можно получить деньги из федерального бюджета («в бюллетень войдет 10 общественных зон (из числа предложенных самими жителями), денег должно хватить на 6 объектов»).

Благотворительных и ориентированных на наименее защищенные слои населения общественных организаций в крае немало. Есть краевой союз организаций инвалидов, который объединяет несколько НКО. В крае много инициатив по трудоустройству инвалидов – один из ресурсных центров ведет большую работу такого рода. Работает Союз ветеранов Афганистана, его работу отмечали многие респонденты, и он представлен в региональной общественной палате.

Респонденты отмечали, что губернаторский марафон «Поддержим ребенка» – самая мощная благотворительная акция в регионе – ежегодно собирает миллионы рублей.

Есть в регионе НКО, которые занимаются детьми с синдромом Дауна «Солнечный круг», есть те, кто занимается помощью детям с ДЦП (организация «Незабудка» «бьется» за доступную среду в том числе), творческой реабилитацией детей с особенностями развития – «Белые вершины» (это и дети с ДЦП, и дети, страдающие аутизмом – «количество таких детей очень велико», отмечает представитель НКО). Есть организации, направленные на поддержку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – например, «Доброе Сердце» (ее активисты собирают вещи и раздают нуждающимся). Фонд «Облака» оказывает помощь многодетным и малоимущим семьям (под опекой фонда 200 семей), детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Накануне акции #ЧТОНУЖНО «Облака» провели форум, к участию в котором были привлечены представители бизнеса и НКО с тем, чтобы объединить силы, интересные инициативы и средства. Также, со слов представителя фонда, у них получается выстраивать диалог с местными властями и социальной службой: «Недавно впервые городская соцслужба направила мне семью, чтобы мы им помогли. Я очень довольна, ... у них много бюрократии, у нас ее в 10 раз меньше. У городской службы нагрузка катастрофическая».

В регионе такие НКО часто работают еще и как консультативные центры, помогая людям получить необходимую информацию. Это касается как семей в трудных ситуациях,

так и тех, кто выходит из мест заключения, или просто бездомных людей. По инициативе НКО специально для них распространяют информационную листовку с адресами, где можно получить бесплатный обед, одеться, восстановить документы. Однако есть и проблема, состоящая в том, что при таком широком информировании государственные службы адаптации могут не справляться с наплывом нуждающихся.

Участие НКО в оказании социальных услуг населению только начинает развиваться. На данном этапе в реестр поставщиков социальных услуг включено 11 НКО (такая цифра прозвучала на «круглом столе»), таким образом они составляют примерно десятую часть всех вошедших туда организаций. По сравнению со многими другими регионами, это немало, однако общественники отмечают, что процесс вовлечения социально ориентированных НКО в замещение услуг госучреждений продвигается значительно медленнее, чем мог бы. Отчасти это связано с тем, что СОНКО часто не обладают помещениями, которые отвечали бы соответствующим стандартам, власти же лишь констатируют такое несоответствие, но не помогают общественникам модернизировать имеющиеся помещения, не говоря уж о предоставлении новых.

Из отзывов относительно общественного контроля складывается впечатление, что эти механизмы в крае работают, причем в самых разных сферах. Так, «только молодежными организациями на протяжении последних лет были инициированы общественный контроль в сферах ЖКХ, розничной торговле и здравоохранении», – сообщил один из представителей краевой общественной палаты. Респонденты также отмечали, что общественный контроль есть в сфере дорожного строительства. В рамках проекта по гражданскому контролю в сфере ЖКХ общественники объезжали районы края в 2016 году на средства губернаторского и президентского грантов. В этом году краевая администрация реализует проект «Социальный десант» – выезд в отдаленные части края бригад специалистов для проведения консультаций, оказания социальной, психологической и юридической службы, развития общественных инициатив и оказания помощи гражданам, попавшим в тяжелую ситуацию; к акции уже подключились профильные НКО края и объезжают районы вместе с бригадами. Представители Молодежного парламента Алтайского края входят в коллегию управления молодежной политики и спорта Алтайского края, взаимодействуют с УФСИН и выезжают в места, где находятся несовершеннолетние заключенные. Представитель Молодежного парламента вошел в состав региональной ОНК.

3. МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА».

Неудивительно, что при такой общественной активности в регионе возникло несколько специализированных ресурсных центров НКО или общественных организаций, отчасти выполняющих ту же роль. Эти ресурсные центры различаются по специфике и, судя по отзывам респондентов, не мешают друг другу работать. Первым эксперты называли собственно Ресурсный центр развития социальных инициатив и поддержки НКО Алтайского края, финансируемый из регионального бюджета. Дальше респонденты называли СО НКО «Поддержка общественных инициатив», которая инициативно выполняет функции ресурсного центра. Кроме них есть «Инкуба-

тор молодежных инициатив», организованный Алтайский краевым общественным движением поддержки гражданских и социальных инициатив «Согласие», который оказывает образовательную и просветительскую поддержку молодым активистам, а помимо него действуют специальные ресурсные центры для инвалидов и волонтеров, о которых уже говорилось выше.

В регионе общественникам доступна как федеральная поддержка (53 организации в прошлом году получили президентские гранты), так и региональная – респонденты называли не только гранты губернатора, но и субсидии на ведение уставной деятельности в Барнауле и других городах края. Есть гранты губернатора в сфере СО НКО – до 400 тысяч рублей на один проект (в 2017 году общая сумма грантового фонда составила 8 миллионов рублей). Кроме грантов для НКО, также упоминались в интервью гранты на инициативы ТОСов. То есть в целом в этом вопросе потенциальные грантополучатели продемонстрировали осведомленность.

Кроме финансовой помощи, респонденты называли имущественную, в частности говорили о поддержке СО НКО в виде предоставления помещений без конкурса. Многие представители НКО говорили о том, что у них бесплатное помещение, или они знают тех, кому в качестве помощи его предоставили на бесплатной основе. Но, как показал опрос, единых правил, по которым та или иная организация может его получить на льготных условиях, нет – «каждый договаривается, как может». Среди иных форм поддержки опрашиваемые называли помощь в виде предоставления транспорта – машин и автобусов. Также называли обучение, предоставление информации: за счет средств бюджета региона можно получить обучение на других площадках, например, РАНХИГС, доступно обучение по скайпу, семинары «Кислород». Респонденты говорили, что в ходе обучения были в Омске, Красноярске, Тюмени, Москве – «есть субсидия всем СО НКО на обучение» (носит заявительный характер).

4. ИТОГИ

Из сказанного выше следует, что в регионе очень разнородная и разнообразная общественная жизнь. По официальным данным, предоставленным краевым Ресурсным центром развития социальных инициатив и поддержки НКО, в Алтайском крае 2 430 НКО, большая часть которых работает в Барнауле, однако не менее активно НКО работают также и в Бийске, и в Рубцовске. Несмотря на сложные впечатления, полученные от отзывов активистов относительно деятельности актуального состава Общественной палаты Алтайского края, в регионе заметное количество как инициатив и практик в самых разных направлениях общественной деятельности, так и форм общественного участия в жизни края – от сбора подписей и организации тематических митингов по актуальным вопросам до участия в общественном контроле социально направленной деятельности властных структур.

Особенно ошутим объем общественной деятельности в наиболее проблемных для региона сферах – социальной (которую характеризуют низкий уровень зарплат и качества жизни), молодежной (где наблюдается утечка кадров), ЖКХ, дороги и экология. В Алтайском крае в значительной мере распространены и работают механизмы общественного контроля. При общем впечатлении отсутствия «пассионарности» в деятельности текущего состава общественной палаты (по-видимому, как результа-

та текущей региональной политики в отношении этого органа), многие опрошенные представители НКО хвалили работу отдельных общественных советов, не в пример публичным слушаниям, одни из которых тем не менее в недавнем прошлом были успешно использованы жителями Барнаула для того, чтобы не был принят проект Генплана города с полигоном ТБО.

Из отзывов респондентов следует, что власть предпринимает попытки контролировать общественное пространство и делать его максимально лояльным, что, к сожалению, снижает не только значимость результатов деятельности ОП, а также назначаемых в крае омбудсменов, но и в принципе результативность части их работы – по крайней мере некоторые инициативы, исходящие от ОП, не находят поддержки у тех, кому они адресованы. Общественники отмечают недостаточное количество встреч с главой края и его замами относительно других регионов, многие говорят о том, что у общества есть потребность в том, чтобы такие встречи проводились и были регулярными – по крайней мере до тех пор, когда (и если) заработают механизмы решения вопросов и реализации решений внутри бюрократических структур администрации. В ряде случаев респонденты говорили, что «не видят» деятельности ОП и хотели бы иметь о ней больше информации.

При этом в ходе опроса респонденты называли такие сложности работы НКО: даже при бесплатно предоставленном помещении на них ложатся расходы по оплате услуг ЖКХ – даже в регионах с более благополучной социальной обстановкой эти расходы оказываются чувствительными для НКО. Респонденты также говорили о сложных по форме отчетности взаимоотношениях с Фондом социального страхования, Налоговой службой и Минюстом, а также грантодателями. Поскольку регион не избалован хорошей жизнью, что обусловлено экономической ситуацией, некоторые представители НКО отмечали, что «закон об иностранных агентах» закрыл ряд возможностей получения дополнительного финансирования (особенно в случаях с благотворительностью в социальной сфере, например, не так давно организация по борьбе со СПИДом в Бийске была признана иностранным агентом) и усложнил отчетность (в случае, если организация подпала под действие закона).

В целом пожелания общественников сводились к необходимости регулярных многосторонних встреч – с властью и бизнесом, с участием также и представителей СМИ. Этому пожеланию вполне соответствует идея создания специального постоянного дискуссионного клуба, которая стала стержнем всего «круглого стола». Также эксперты отмечали необходимость повышать осведомленность граждан о том, какие разумные шаги они могут предпринять в проблемных ситуациях, чтобы решать вопросы, а не обострять их (говорили, в частности, о том, что нужны каналы дистанционного просвещения и, например, в Политехническом музее проводят вебинары по ЖКХ).

В качестве позитивных моментов во многих интервью отмечаются усилия власти, направленные на снижение остроты проблем в социальной сфере, на развитие сельского хозяйства, повышение туристической привлекательности края, а также на успешную деятельность большого количества вузов.

В целом, «третий сектор» в регионе производит впечатление живого и довольно развитого: есть известные, авторитетные НКО, работают ресурсные центры поддержки НКО, есть работающие региональные грантовые программы.